

Театр

ЗРЕЛОСТЬ
И МОЛОДОСТЬ

Долгая полярная ночь опустилась над Норильском. Прогнала она птиц, вытеснила солнце с неба, скупно даря людям короткие часы сумеречного рассвета. И только перед нестигаемой волей человеческого коллектива оказалось бессильным вьюжное дыхание полярной зимы. Люди Норильска живут полной жизнью, трудятся, и труд их воплощается в слитки металла, в новые дома, в спектакли, поставленные театром.

Норильский драматический театр — верный, стойкий и необходимый член трудового коллектива города.

У коллектива этого театра горячее сердце и беспокойная душа. Он не ищет легкой жизни, не довольствуется малым. Он ставит перед собой большие цели и добивается их претворения в жизнь, не склоняя головы перед трудностями. К XIII съезду КПСС норильчане решили показать спектакль о рабочих людях, о духовном богатстве тех, кто в нашей стране создает материальные ценности. И не рядовой спектакль, а большой, масштабный, отражающий существенные черты нашего времени. Среди известных произведений, апробированных крупными театрами, подходящей пьесы не нашлось. Нужно было либо искать, либо отказаться от своего намерения. И театр начал искать. Связались с московскими писателями (для заполярного театра это было не так уж просто), разузнали, кто над чем работает, сумели вызвать интерес, доверие к своему коллективу и получили «новенькую», никем еще не поставленную инсценировку повести В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балугев», сделанную автором совместно с О. Табачниковой. Строго говоря, пьеса даже не была закончена. Пока шли репетиции, авторы ее дорабатывали и незадолго до премьеры прислали в Норильск новый вариант. Времени оставалось очень мало, но коллектив нашел, что вторая редакция лучше и, безжалостно отбросив сделанное, принялся перекраивать свою работу. Премьера была выпущена (поставил спектакль главный режиссер театра Е. Гельфанд, оформление художника В. Балдина). На сцене зрители увидели самих себя — простых людей, строителей нашего времени. Аплодировали много и шумно, актеры раскланивались, улыбались. И никто в зале не догадывался, какого огромного напряжения сил и нервов, скольких бессонных ночей стоил коллективу этот праздничный спектакль.

«Знакомьтесь, Балугев» не был первой постановкой сезона, посвященного XIII съезду. До него норильчане выпустили «Клоп» В. Маяковского (режиссер Е. Гельфанд, художник Б. Григорьев) — спектакль яркий, самообытный, интересно решенный. А накануне съезда была капитально возобновлена «Третья патетическая», которой театр открыл декаду показа своих наиболее значительных работ. Норильчанам было что показать в дни этой декады. «Третья патетическая» и «Цветы живые» Н. Погодина «Клоп», «Знакомьтесь, Балугев», «Барабанщица» А. Салынского, «Потерянный сын» А. Арбузова, «Остров Афродиты» А. Парниса — такой репертуар свидетельствует о серьезности, идейной целенаправленности театра, о его стремлении к созданию масштабных спектаклей, к всестороннему отражению современной жизни.

Одной из важнейших проблем современности — вопросам воспитания молодежи — посвящен и спектакль «Жизнь и преступление Антона Шелестова» (пьеса Г. Медынского и Вл. Токарева, режиссер Е. Гельфанд, художник В. Балдин). Это интересный спектакль — ясный по мысли, проникнутый подлинной человечностью, заботой о молодежи и верой в нее. Он задуман как рассказ о человеческих судьбах,

и судьбы эти раскрываются через образы, созданные актерами. Режиссер как бы отходит в сторону, щедро отдавая себя исполнителям, помогая им добиться точного и последовательного развития каждого характера. На первый взгляд может даже показаться, будто форма спектакля его не особенно заботит. Но в действительности это спектакль точной, продуманной и отработанной формы, отработанной настолько, что она становится совершенно органичной и уже не воспринимается обособленно. Лаконичность оформления, строгий внешний рисунок спектакля, скупые, конкретные и психологически точные мизансцены — все это как бы укрупняет образы людей, придает им графическую четкость и очень соответствует характеру пьесы — многословного, подчеркнуто-деловитого, но полного драматизма рассказа о жизни, преступлении и прозрении юноши.

А как точно решена в этом спектакле трудная сцена вечеринки на воровской «малине»: без романтической экзотики и без фотографического натурализма. Смотришь эту сцену, идущую на фоне глухих черных сукоя, слушаешь тягуче-однообразные песни, видишь людей, в отношении которых не сохранилось ничего человеческого, и чувствуешь непреодолимое отвращение к нравственному уродству обитателей «малины». Но это отвращение не имеет ничего общего с той физической брезгливостью, которую вызвал бы детальный фотографический показ бытовых подробностей пьянства, разврата и разложения. Сила спектакля в том, что он не фотографирует уродливый закоул жизни, а создает художественный образ, вызывающий у зрителей определенную реакцию. Точно так же в сцене школьного бала, где за полупрозрачной, радужно расцветочной занавеской мелькает вереница принаряженных школьниц, возникает образ пленительной чистоты и целомудрия юности.

Точность, действительность, эмоциональная заразительность режиссерского образа — отличительная особенность большинства норильских спектаклей, в частности спектаклей, поставленных Е. Гельфандом. Вспомни хотя бы первую картину «Клопа». Сценическая площадка перегородена большим ковром. Это — типичный базарный ковер, с белогрудыми лебедями на застывшей мармеладной воде. Но вдруг створки, из которых составлен ковер, приоткрываются, и, как насекомые из щелей, вылезают спекулянты-барышники, продавцы «бюстгальтеров на меху» и «анекдотов из жизни Л. Н. Толстого». «Ритмически двигаясь по кругу, тихими вкрадываемыми голосами они предлагают каждый свой товар. Предлагают осторожно, с опаской (а вдруг — милиция!) и в то же время с неотвратимой настойчивостью. Говорят все вместе, слов не различить в приглушенном гуле голосов. Но здесь важны не слова (позднее мы услышим их еще раз), здесь важно именно это сочетание боязливой осторожности и настойчивости, с которой паразиты эпохи проникают в любую щель, важен действенный образ неповского отребья, справляющего свой подпольный шабаш. А в конце картины, когда изю всех щелей люди-клопы неожиданным броском устремляются на пустую сцену, где в беззащитном одиночестве стоит Зоя Березкина, мы не просто видим, но с судорогой отвращения чувствуем, какая злая звериная сила таится в этих осторожных паразитах. Нам хочется выжечь их огнем, и мы горячо аплодируем пожару, завершающему первую часть спектакля.

Может быть, именно сила образности, увлекающая актеров, воздействующая на чувства и воображение зрителей, порождает ту эмоциональность и заразительность, которая свойственна большинству спектаклей Норильского театра. Режиссер вдохнул в спектакль огонь живого чувства, зажег им актеров, а они, актеры, донесли разгоревшееся пламя до зрителей.

Когда думаешь о спектаклях, виденных за последнее время в Норильске, вспоминаются многие актеры, многие образы. В. Лукьянов, с

блеском, оригинально, во многом неожиданно играющий Присыпкина в «Клопе», и тот же Лукьянов в роли Балугева; Н. Кутасина, умно, с большой драматической силой исполняющая роль Глории в «Острове Афродиты», и она же — Маркелова из «Жизни и преступления Антона Шелестова»; Е. Мокриенко — мягкая, человечная Зоя Березкина («Клоп») и развращенная, принижено-угодливая Бапа («Жизнь и преступление Антона Шелестова»); М. Артемов — Джордж Маклей; П. Бойцов — Никс Джонсон; Т. Ахматова — Ламбрини Бириякули («Остров Афродиты»); К. Мельникова — мать; В. Баякин — Генка Лызлов; Г. Александров — Витька-Крыса; А. Евтева — женщина в сером костюме («Жизнь и преступление Антона Шелестова»); Б. Гольман — директор зоосада; Б. Попов — оратор; И. Розовский — профессор («Клоп»)... Можно было бы назвать и другие имена, и другие работы. Но все-таки самое дорогое в Норильском театре — не отдельные удачи, а та творческая сплоченность, тот общий дух увлеченности делом, который объединяет коллектив и придает спектаклям ансамблевое звучание. Не случайно в спектаклях норильчан так много удачных эпизодических образов, что перечисление их заняло бы слишком много места. Эпизоды здесь играют все, играют увлеченно, со вкусом, точно отработывая характер и внешний рисунок (вспомним хотя бы С. Берлина — старика в «Клопе», или Ф. Перькова — друга Жоры в «Жизни и преступлении Антона Шелестова»).

Нужно отметить, что руководство театра заботится о пополнении и укреплении труппы. За последнее время был укреплен женский состав, значительно пополнена группа молодежи. Молодые актеры работают много и плодотворно. Нельзя не порадоваться тому, как вырос А. Амелин. Воспитанник Норильского театра, еще недавно начинающий актер, сейчас он занимает в коллективе прочное место, с успехом играя Антона Шелестова, Анастасию в «Острове Афродиты» и многие другие роли. М. Баранова хорошо играет Глашу в «Девушке с веснушками», З. Терскова, выпускница Красноярской студии, успешно начала в Норильске свою театральную жизнь. Тепло, ободряющего слова заслуживают В. Белецкий, В. Дубровская, А. Кузьменко, В. Иванов и другие молодые актеры. Но успешное выдвижение молодежи не только не снимает, а наоборот, усиливает необходимость ее профессионального совершенствования: недостаток профессиональной культуры и техники отчетливо чувствуется у большинства молодых актеров. Очень хорошо, что с ними ведется занятия. Сейчас когда молодежи стало много, повышение ее профессионального уровня играет решающую роль.

Норильчане заботливо воспитывают не только актеров, но и режиссеров и художников (сейчас на высших режиссерских курсах в Москве учится А. Элькес, в прошлом актер театра). Оформление спектаклей долго оставалось в Норильском театре самым уязвимым местом. Театр привлек к работе художника-живописца В. Балдина, который увлекся новым для него делом и уже добился первых успехов. Несколько повысилась за последнее время и постановочная культура спектаклей, но в этой области перед театром еще непочатый край работы, особенно трудной потому, что сцена у норильчан — неудобная, маленькая, недостаточно оборудованная. Кстати сказать, очень огорчительно, что в городе, построенном с таким размахом, театр работает в непригодном, неудобном, холодном помещении.

28 января 1962 года город Норильск празднует двадцатилетие своего театра. Самому северному театру мира исполнилось 20 лет, и облик его полностью соответствует этому чудесному возрасту. Ему уже 20, и он достиг зрелости: он умен, серьезен, настойчив и мужествен в достижении своих высоких целей; ему только 20, и он по-молодому горяч, азартен в работе, романтичен в устремлениях.

И. СЕГЕДИ.

г. Норильск.